

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРМЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И ТЕОРИЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ

И. Д. СТРЕЛЬЦОВА

Исследование взаимоотношений языкового и внеязыкового в лингвистике, т.е. *значения* (языковая сущность) и смыслов (внеязыковые представления), способов их функционирования на всех уровнях языковой системы и структуры дают возможность определить характер конкретного языка и его место в типологической классификации языков. "Типология ... призвана *решить* две задачи. С одной стороны, выявить изоморфизм языков мира, т.е. совокупность свойств, присущих всякому естественному языку; с другой стороны, выявить алломорфизм языков, т.е. совокупность свойств, не имеющих характера универсалий"¹. Типологическая классификация — это установление *системы* лингвистических типов и распределения всех языков по классам, соответствующим этим типам. Это направление и есть *системология*. "Основной характеристикой, с помощью которой выявляется своеобразие любой системы, в том числе — своеобразие языкового типа, признается *детерминанта* языка"².

В работе рассматриваются типологические свойства армянского и русского языков, их сходства и различия, которые обуславливают специфичность этих языков, но которые являются естественными в плане выражения *детерминантных* свойств, определяющих характер их функционирования на всех уровнях языка.

Исследования в области армянского и русского языков показали, что армянский язык гораздо более аналитичный, чем русский*.

По своему морфологическому строю русский язык — язык "преимущественно флективный, синтетический"³. Есть проявления аналитизма и в русском языке, и они "носят в современном русском языке активный, развивающийся характер, тем не менее в своей основе русский язык остается языком флективно-синтетическим"⁴.

Аналитизм армянского языка обусловлен прежде всего его типологическими особенностями.

¹ "Общее языкознание". М., 1973, с. 237.

² Г. П. Мельников. Основы терминоведения. М., 1991, с. 20.

* Аналитизм рассматривается в аспекте взаимнооднозначного соотношения плана выражения и плана содержания на уровне морфем (Ш. Балли, Е. Д. Поливанов и др.). Как отмечает Большой энциклопедический словарь Языкознание, "наиболее аналитич. языками в этом понимании оказываются агглютинативные языки, в меньшей степени флективные языки (совмещение неск. означаемых в одном означающем)". М., 1998, с. 31.

³ Энциклопедия "Русский язык". М., 1998, с. 442.

⁴ Там же, с. 443.

Если русский язык — флективно-синтетический, то армянский язык, как и русский, генетически относящийся к индоевропейским языкам, имеет тенденцию к агглютинативности — аналитичности. “Аналитический строй, по мнению Есперсена, прогрессивнее флективного, т.к. он технически упрощает средства языкового выражения. Формы становятся короче, число их уменьшается, их образование и синтаксическое употребление становятся более правильными, их абстрактный “аналитический” характер допускает более сложные сочетания форм, наличие определенного порядка слов облегчает понимание и делает ненужным нагромождения флективных признаков (при так называемом “согласовании”)³. В лингвистике целым рядом ученых признается тот факт, что аналитизм возникает из флективного как более прогрессивное явление.

Рассмотрим типологические особенности армянского языка. Типологически армянский язык характеризуется как преимущественно язык агглютинативный с элементами флективности. И в этом плане армянский язык отличается от других индоевропейских языков и занимает особое место в системе индоевропейских языков. О типологическом своеобразии армянского языка еще в 19 в. писал И. А. Бодуэн де Куртенэ. “Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и, действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюрко-татарскими, или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим последним. Так, например, в склонении отражение в армянском языке мира внешнего, физического, пространственного происходит большей частью на татарский лад (падежи *Locativus, Ablativus, Instrumentalis*), отражение же отношений общественных является продолжением форм ариоевропейских (*Genetivus, Dativus, Accusativus*). Особый, определенный суффикс множественного числа, очевидно, заимствован, если не из татарского, то во всяком случае и не из ариоевропейского источника. Потеря родовых различий и *отсутствие сексуализации* всего мира могут быть объявлены тоже только “чужим”, не ариоевропейским влиянием. Вопрос об этническом составе армянского языка осложняется еще следующими соображениями. Во-первых, исторически известно, что в армянском народе потонуло много евреев и др. семитов, населявших некогда армянские города, так что мы должны принять влияние на армянский язык тоже семитских элементов; во-вторых же, не может оставаться без заметных следов на характере армянского языка совместное пребывание армян с другими кавказскими народами, прежде всего с грузинами⁴.

В формировании типа языка, его типологического своеобразия большую роль играют внешние факторы: типичные условия функционирования языковой системы в надсистеме. “Надсистемой по отношению к языку является общество, или социальное сознание, которое будучи инвариантом в

³ Цитируется из работы Жирмунского “Развития строя немецкого языка”. В кн.: В. М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Ленинград, 1976, с. 338.

⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т.1, с. 365.

индивидуальном сознании каждого члена общества, делает индивида личностью, т.е. социальным существом”⁷. Эти внешние факторы в системной лингвистике называются *внешней детерминантой*.

Как пишет Г. Б. Джаукян, на армянский язык оказали влияние турецкий и персидские языки в условиях длительного господства Турции и Ирана. Многовековое двуязычие армян, отмечает далее Г. Б. Джаукян, естественно приводит к обогащению лексики⁸. Указанные выше факторы способствуют не только обогащению лексики, но отражаются на всех ярусах языка, перестраивая грамматику языка в сторону упрощения. А в данном случае более простой и легкой для усвоения оказывается грамматика языков агглютинативного типа. Внешняя детерминанта агглютинативных языков интерпретируется в трудах Г. П. Мельникова и его учеников — в системной лингвистике — следующим образом: агглютинация возникает в условиях общения коллективов относительно больших и связанных как экономически, так и политически, когда социально важным оказывается сохранение взаимопонимания между членами коллектива несмотря на частые и длительные перерывы. История Армении подтверждает это положение. Исходя из внешней детерминанты, делается вывод о внутренней форме агглютинативных языков. Внутренняя форма классических агглютинативных языков — *качественно-признаковая*, специализированная для эффективного изображения любого сюжета в виде образа предмета как носителя большего или меньшего числа признаков, когда у собеседников не было возможности общаться. *Тема* задается как адрес, а новая информация как *атрибут* к этой теме. Атрибутивность в данном случае понимается как *признаковость* в широком смысле этого слова. Т.е. определительные, обстоятельственные, объектные отношения сводятся к разновидностям атрибутивных отношений, выражаемых при постановке атрибута рядом с уточняемым словом или цепочкой слов. Рассмотрим с этой точки зрения примеры из лексики армянского языка. Основным способом обогащения армянской лексики является словосложение.

Словосложение как акт номинации представляет собой скрытую (свернутую) предикацию. И в соотношении корневых морфем, образующих сложное слово, можно наблюдать атрибутивные отношения. Ср. $\text{шրլիշծաղիլ արե-vasayik}$ “подсолнух”, “подсолнечник”, $\delta\delta\text{իծաղիլ յնսայիկ}$ “подснежник”.

Вторая корневая морфема этих сложных слов $\delta\text{աղիլ сагիկ}$ “цветок” — тема, а первая — рема (признак): шрլիծաղիլ , букв. “солнца цветок”, $\delta\text{լիծաղիլ}$, յաւ սայիկ букв. “снега цветок”.

Те же отношения и в других сложных словах: գրիւտիլի գրաշար “письменный стол”, $\text{լիւրացիլիլ դրօժարտ}$ “выпускник школы”, $\text{լիւրացիլիլ լիւսակատն}$ “прачечная”, $\text{լիւրացիլիլ լիւրացիլիլ լիւրացիլիլ}$ “лун, лжец” и т.д.

Способ аналитического представления вещественных смыслов в сложных словах (потому они и сложные) обуславливается в армянском языке стремлением *максимально мотивированно*, конкретно обозначить предметы, явления действительности с минимальным применением служебных морфем как более абстрактных. А. Б. Серебренников формулирует детерминанту агглютинативных языков как принцип *экономии аффиксов*. Служебные морфемы как более абстрактные отходят к концу цепочки морфем,

⁷ Г. П. Мельников. Указ. соч., с. 22.

⁸ Г. Б. Джаукян. Общее и армянское языкознание. Ер., 1978, с. 207.

прилепляясь к теме. В сложных двух — и п-морфемных словах в статусе служебной морфемы выступает последняя морфема — с наиболее общим абстрактным смыслом, требующим уточнения в предыдущих морфемах. Такие морфемы определяются Р. С. Манучаряном как аффиксоиды, которые являются модификатором значения (полнозначной) основы и создают регулярный структурно-семантический однотипный словообразовательный ряд⁹. Ср. *աղբնզորժ աղբջորհ* “садовод”, *հանրազորժ հանրաջորհ* “горняк”, *մետաղազորժ մետաղաջորհ* “металлист”. Морфема *զորժ ջորհ* — буквально “дело”. Смысл “лицо”, занимающееся делом, уточняемым в первой морфеме, дан имплицитно. Смыслы, требующие уточнения в предыдущих морфемах являют собой тему, а предыдущие морфемы — ремю. Ср. имена существительные *բարձրաբանաբանաբան* *‘avdžut‘akahaŋ* “виолончелист”, *աղբնջորժաղբնջորժաղբնջորժաղբնջորժաղբնջորժ* *auğbntjabandžarabuyc*, букв. “садоплодоовощевод”. Выделенные последние морфемы, являющиеся темой, — аффиксоиды. Поскольку аффиксоиды генетически произошли из слов, или морфем, обладающих вещественным значением, они сохраняют “дух” армянского языка, имеют прозрачную внутреннюю форму, смысловую мотивацию. Лексическое значение сохраняется, и только регулярность употребления при словосложении частично формализует конечную морфему в аффиксоиды, функционально сближая их с суффиксом. Наличие лексического значения препятствует полному абстрагированию и превращению ее в типично формализованную единицу — суффикс.

Агглютинативность армянского языка проявляется в *подлинных сложениях* (*հսկանաբանաբանաբանաբանաբանաբան*) и *неподлинных сложениях* (*անհսկանաբանաբանաբանաբանաբան*). В подлинных сложениях корневые морфемы просто приклеиваются друг к другу, мотивируя сложное слово, *քարանձակ* *k‘aragax* “каменный уголь”, *երկաթուղի* *erkat‘uği* “железная дорога”, *այդեղ* *aydeğ* “здесь” (букв. “это место”), *այնտեղ* *aynteg* “там” (букв. “то место”), *որտեղ* *orteg* “где” (букв. “какое место”). Такое соположение корневых (вещественных) морфем демонстрирует их функцию в пределах слова — соотношения темы и ремы, где первая морфема-рема является атрибутом к теме.

Неподлинные сложения (составные слова, аналитические слова, “derivационные сочетания”) — это неделимые словосочетания, в которых в отличие от подлинных сложений компонентами являются не корневые морфемы, а слова, выполняющие функцию морфем. Ср. *գիշեր-ցերեկ* *ğiřeg-cerek* “день и ночь”, букв. “ночь-день”, *մարդ և կին* *mard u kin* — супруги (букв. “мужчина и женщина”). Глагольные сложения разнообразны структурно и семантически. *Երես տալ* *eres tal* “баловать” (букв. “лицо дать”), *երես տանել* *eres anel* “избаловаться” (букв. “лицо взять”), *բաց անել* *bac‘ anel* “открывать” (букв. “открытым делать”), *խաղ անել* *xağ anel* “играть” (букв. “игру делать”), *ներս գալ* *ners gal* “входить” (букв. “внутрь приходиться”).

Неподлинные сложения могут выступать как словесные повторы: *տեսակ-տեսակ* *tesak-tesak* “разнообразный” (букв. “вид-вид”), *զուգ-զուգ* *zuğ-zuğ* “попарно” (букв. “пара-пара”) ¹⁰.

Р. С. Манучарян, анализируя все типы словообразовательных значений, представленных в русском и армянском языках, отмечает наличие подобных

⁹ Р. С. Манучарян. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ер., 1981, с. 124-125.

¹⁰ Там же, с. 59.

типов сложений и в русском языке. Ср. большой-большой, давно-давно (повторы), сумасшедший, вечнозеленый — аналог агглютинативных сложений типа шխոր аysor “сегодня” (букв. “сей день”), միևնույն մե�նուսը “один и тот же”, шխմիմի аугујі “конница” (букв. “мужчина и конь”).

Анализ лексического материала позволяет Манучаряну сделать очень важный в типологическом плане вывод: в русском языке словообразовательные значения, присущие вышеперечисленным типам сложений, представлены в большинстве случаев как морфологически обусловленные, а в армянском языке они морфолого-синтаксически обусловленные. Этот вывод исходит из типологических особенностей сопоставляемых языков “... и то, и другое в конечном счете связано с особенностями флективного строя, присущими языкам с фузионно-синтетической и агглютинативно-аналитической тенденцией. Степень представленности таких значений, как нормативно-лексически и системно-лексически обусловленные, по-видимому, будет зависеть от соотношения *системы* и *нормы*, в частности характерного для агглютинативных языков *преобладания системы* над нормой”¹¹.

Г. П. Мельников, развивающий идеи системной типологии, считает необходимым при анализе любых языковых фактов исходить из особенностей, способа функционирования языковой системы, определяемой *внутренней формой* языка, или *детерминантой* (внутренней и внешней).

Системная типология рассматривает языковую детерминанту как специфический коммуникативный ракурс подачи содержания средствами языка.

“Детерминанта флективных языков - “селекционная”, избирающая в актах речи уже заготовленные узусом многоморфемные словоформы. А детерминанта агглютинативных языков - “коллекционная”, “собирающая словоформы” из морфем в ответ на актуальные смысловые запросы”¹². И армянский и русский языки относятся к индоевропейским языкам (ИЕ). Типологически ИЕ — это флективные языки. Но армянский и индоиранские языки раньше многих индоевропейских языков стали перестраиваться в сторону агглютинации. Что, безусловно, определялось внешней детерминантой — историческими и социальными условиями.

Агглютинация — это не просто техника связи морфем, а типологический признак, охватывающий все уровни языка. Давид Гзгзян, опираясь на работы Г. П. Мельникова, исследовал это на *фонетическом* уровне и доказал необходимость сохранения и функционирования придыхательных в армянском языке. “Грамматика флективных языков специализирована для такой композиции подачи изображаемого сюжета, при которой облегчается возможность слушающего прогнозировать последующие этапы этого сюжета (например, от причины к следствию), и этот принцип прогнозируемости распространяется на все уровни языкового строя (так, форма определения-прилагательного прогнозирует многие характеристики формы определяемого). На фонетическом уровне в этом случае оказывается важной возможность предсказания типа гласного по форме предуподобления ему предшествующего согласного, и физически такая ассимиляция наиболее эффективна в случае использования

¹¹ Там же, с. 171.

¹² Г. П. Мельников, Факторы своеобразия консонантизма русского и армянского и др. индоевропейских языков. В сб.: “Сопоставительно-типологическое изучение русского, армянского и иностранных языков”. Тезисы докладов. Ер., 1987, с. 89-90.

флексивными языками противопоставлений по палатальности. А поскольку в армянском и индоиранских языках, при перестройке их в направлении агглютинативности, подобная потребность не возникала, то сохранялись условия для функционирования корреляции согласных по придыхательности”¹³.

Внутренняя форма языка, его детерминанта, естественно, организует и словообразовательный (как отметили выше), и лексико-семантический уровни языка. В агглютинативных языках (еще раз подчеркнем эту важную для понимания способа функционирования агглютинативного языка мысль) тема задается как адрес и новая информация — как атрибут к этой теме. В результате развивается тенденция максимально обыграть контекст, чтобы воспользоваться словом с достаточно абстрактным значением, но в контексте понять его актуальный смысл, а не искать в памяти заготовленное для этого смысла узуализированное в словаре слово. Именно это обстоятельство и обусловило тенденцию к большей полисемии в армянском языке по сравнению с русским. Так, например, в полисемичных глаголах армянского языка, как правило, количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) значительно превышает количество ЛСВ эквивалентных (в своих основных смыслах) русских глаголов. Ср. глагол *սիւնիլ դաիւլ* “прятать (держат)” имеет 9 ЛСВ, а в русском — 2 ЛСВ. *Հլրիւիլ կրել* “резать” — 32, а в русском — 12, *Վրցնիլ ցըրնել* “брать, взять” — 34, в русском лексически дифференцированные по грамматическому виду эквивалентные “брать” — 14, “взять” — 4, *լսիլ տալ* “дать” — 44, а в русском — 10¹⁴.

Русский язык — язык флексивно-синтетический. Его детерминанта в системной типологии характеризуется как “актуально-событийная”. При общении в русском языке по возможности любой замысел сообщения выражается через такой номинативный смысл высказывания, который рисует слушающему картину *развивающегося события*. Русский язык как язык номинативного строя, язык флексивный, характеризуется развитым синтаксисом предложения, четкой дифференциацией членов предложения, частей речи и падежной системы, как развитое средство формального выражения субъектно-объектных отношений. В сопоставительно-типологическом плане Р. А. Тер-Аракелян исследовала простое предложение в русском и армянском языках¹⁵. Анализируя простое предложение, автор отмечает, что многие типы русского предложения регулярно организуются без участия глагола, между тем как организующим центром армянского предложения является *глагол*. Вербоцентризм обуславливает преобладание в армянском тексте конструкций *аналитического* типа, что присуще агглютинативным языкам. Именно это *типологическое* свойство приводит к относительному единообразию синтаксических построений в армянском языке.

В свете типологических особенностей русского языка рассматривается способность предложений подвергаться фразеологизации. “Безглагольные типы русских предложений тяготеют к нерасчлененному, *синтетическому*

¹³ Г. П. Мельников. Указ. соч., с. 90.

¹⁴ Данные примеры приводятся по словарям: “Толковый словарь современного армянского языка”. Ин-т языка им. Р. Ачаряна. Т.1-4. Ер., 1969-1980. “Словарь русского языка в четырех томах” (Малый академический словарь МАС). М., 1981-1984.

¹⁵ См.: Р. А. Тер-Аракелян. Простое предложение в русском и армянском языках. Ер., 1982.

способу выражения синтаксической семантики, когда значение конструкции выражается без участия релятора — предиката одним только предикативным сопряжением словоформ”¹⁶.

Наличие синтаксических клише с определенным типовым значением является свидетельством типологической особенности русского языка — *синтетизма* на синтаксическом уровне. Ср.: вечер как вечер, ехать так ехать, мне не до споров и т.д. В армянском языке фразеологизация синтаксической структуры предложения — явление редкое, структура армянского предложения чаще всего повторяет структуру реальной ситуации, и каждый фрагмент этой ситуации эксплицируется и представляется однозначно. Выводы, к которым приходит Тер-Аракелян, важны для проникновения в суть системно-типологической обусловленности грамматических (синтаксических) функций простого предложения в русском языке в сопоставлении с армянским.

“Синтетизм синтаксической структуры характеризуется большей или меньшей степенью ее фразеологизированности, отсутствием симметрии между планом выражения и планом содержания, невыводимостью общего смысла предложения непосредственно из смысла конструирующих его слов. Синтетизм многих русских предложений возникает на почве очень продуктивной в русском синтаксисе односоставности конструкций, в частности, именных типов безличных и инфинитивных предложений, которые стремятся компенсировать свою информативную недостаточность сопряжением с компонентом, имеющим значение семантического субъекта.

Вербоцентризм и непродуктивность неглагольных типов односоставных предложений в армянском языке *препятствуют* развитию в нем *синтаксического синтетизма* и обуславливают номинативный строй и аналитизм армянского предложения”¹⁷. Так, например, идиоматичные синтаксические структуры “у”+род.п., организующие двухкомпонентные предложения и выражающие *имплицитно* смысл принадлежности, и определительно-количественный смысл, при переводе на армянский язык получают лексически и грамматически *эксплицитные* выражения. Центром предложения—высказывания становится глагол ունիւմիւնքս նա *“иметь”*. Ср. у него хороший дом նիւնքս ունիւմիւնքս նա ունի լավ տուն, букв. “он имеет хороший дом”. У тебя мало времени Դու քիչ ժամանակ ունես du k'ic' zamanak unes, букв. “ты имеешь мало времени”. В армянских эквивалентах двухкомпонентных русских предложений, выражающих физическое или психическое состояния: меня знобит, лихорадит նիւնքս լիւրացնում եմ, es doւպսում եմ, у меня звенит в ушах տիւնքս զննում եմ akandžners zngum en, субъект и предикат выступают в соответствии с номинативным строем: структура предложений правильная. Субъект-подлежащее в им. падеже + глагол-сказуемое. Армянский язык в сравнении с русским в синтаксическом отношении более регулярен и стремится к семантической определенности и единообразию синтаксических конструкций.

Правильность построения армянского простого предложения, где центром высказывания является глагол, свидетельствует о том, что *событийность* также может служить детерминантной основой в армянском языке.

¹⁶ Р. А. Тер-Аракелян. Предложение в тексте. На материале русского и армянского языков. Ер., 1987, с. 5.

¹⁷ Там же, с. 7.

Армянский язык, как и русский, относится к номинативным языкам. Но типологически отличается от русского — флективно-синтетического языка. Факты армянского языка, исследуемые на всех уровнях, манифестируют *агглютинативность* как явно выраженную *тенденцию*. Аналитизм армянского языка является следствием его агглютинативности. Агглютинативность как основная тенденция в развитии и функционировании армянского языка — типологическая характеристика данного языка. С точки зрения системной лингвистики классические агглютинативные языки (тюркские и банту) имеют *качественно-признаковую* внутреннюю детерминанту: рисуют обстановку, в которой происходит коммуникация. А армянский язык, на наш взгляд, имеет внутреннюю детерминанту *признаково-событийную*¹⁸. Событийность есть основа структуры высказывания, специфический коммуникативный ракурс. А признаковость — наибольшая информативность, высокая степень мотивированности сочетающихся элементов данной структуры, обусловленные их функциональным статусом. Этот тип языковой детерминанты актуализируется на всех уровнях языка: на лексико-семантическом уровне — в полисемии, в грамматике — морфологии и синтаксисе. И с особой мощью проявляется в словообразовании (как отметили выше). Внешняя детерминанта армянского языка в какой-то степени оказала влияние на внутреннюю детерминанту. Исторически обусловленные обстоятельства (внешняя детерминанта) стимулировали внутреннюю форму армянского языка как *предельно мотивированную в смысловом* отношении, что соответственно выразилось в агглютинативной технике, в прозрачности структуры слова (границы морфем отчетливы) и предложения. Смысловая эксплицитность текста особенно четко проявляется при переводе с армянского языка на русский и — обратно. При переводе на русский язык армянский текст сокращается примерно на 20%, а при переводе с русского на армянский, соответственно, увеличивается в объеме на то же количество. Наблюдения над соотношением значения и смыслов в структуре языка на всех его уровнях свидетельствует о том, что типологическая классификация не может основываться только на общепринятой в языкознании морфологической классификации. Это существенный показатель, но далеко не полный.

Внутренняя форма, детерминанта, как *организующий принцип* языковой системы осуществляет *единый способ* образования и функционирования языка (Гумбольдт). В своих трудах, последовательно проводя мысль о своеобразии языков¹⁹, Гумбольдт заложил основы кибернетического подхода к языку, предвосхитив тем самым современное учение о языке как самонастраивающейся (адаптивной) системе²⁰. Детерминантный подход при исследовании типологических свойств языков — основа для более целостного системного представления о языке в его статике и динамике. Детерминантный подход имеет *объяснительную* силу, позволяет *объяснить* как и почему происходят языковые изменения и в то же время сохраняется стабильность языковой системы. Дальнейшие теоретические исследования с этих позиций,

¹⁸ Ченнаккадан Вариатх Джеймс. Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (расширенный вариант). М., 1991, с. 8-10.

¹⁹ См.: Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

²⁰ См.: Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

а также учет социальных факторов, условий общения может оказать неоценимую помощь не только в теории языкознания, но и в практике преподавания языков иностранцам, в частности, в преподавании армянского и русского языков, а также в практике перевода.

Ի. Գ. ՍՏԲԵԼՅՈՎԱ - Հայերենի և ռուսերենի տիպաբանական բնութագիրը և հատկորոշիչի տեսությունը. - Աշխատության մեջ դիտարկվում են հայերենի և ռուսերենի տիպաբանական հատկությունները, նրանց մամանությունները և տարբերությունները, որոնք պայմանավորում են այդ լեզուների յուրահատկությունը:

Հիմնական բնութագիրը, որի միջոցով բացահայտվում է լեզվական տիպի յուրօրինակությունը, լեզվի հատկորոշիչն է (դետերմինանտը): Լեզվի ներքին ձևի՝ Վ. ֆոն Հոմբոլդտի առաջ քաշած գաղափարը համակարգային լեզվաբանության մեջ դիտարկվում և զարգացվում է որպես լեզվական համակարգի հատկորոշիչ: Հայերենի և ռուսերենի զուգադրական-տիպաբանական ուսումնասիրության բնագավառում ժամանակակից լեզվաբանների աշխատանքները, ինչպես նաև հողվածի հեղինակի սեփական լեզվաբանական դիտարկումները թույլ են տալիս սահմանել հայերենի հատկորոշիչը: Վերջինս դիտարկվում է որպես *հայրկանչային-իրադարձային*, ինչը դրսևորվում է կցական տեխնիկայում, բառի (որում ձևույթների սահմանները հստակ են) և նախադասության կառուցվածքի թափանցիկության, լեզվական կառուցվածքի վերլուծականության մեջ: Ռուսերենի հատկորոշիչը *առկայական (ակտուալ)-իրադարձային* է, ինչով բացատրվում է ռուսերենի թեքական-համադրական տիպաբանական բնութագիրը: